ХРОНИКИ ИЗНАНКИ

·ОХОТА·

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Дмитрий Максимов

Хроники изнанки. Охота

«Автор»
2026

Максимов Д.

Хроники изнанки. Охота / Д. Максимов — «Автор», 2026

Я тысячелетиями дёргал за ниточки империй. Падение Трои, мировые войны, революции — всё это мои шахматные партии. Но игры с вселенским балансом утомляют. Я ушёл на пенсию, взял имя Марк и наслаждался ролью беспечного студента. Никаких Семерых Грехов. Только коллекционное вино и тусовки со смертными.Так было, пока Свет не спустил с цепи своих гончих. Они ищут абсолютное оружие — живого человека, в котором запечатаны первородные ключи. Тот, кто найдёт его первым, поставит на колени Небеса и Преисподнюю.Я бы с удовольствием наблюдал за этой грызнёй со стороны, но кто-то взломал мой артефакт и принудительно открыл портал. Я падаю прямо в мир неживых. И самое паршивое — вместе со мной туда провалились трое моих однокурсников. Скоро они узнают, почему древние демоны предпочитали со мной не спорить.Держитесь ближе к коту, ребята. Он сегодня голодный.

© Максимов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Дмитрий Максимов
Хроники изнанки. Охота

Глава 1

Октябрьский ветер гнал по университетскому двору ворохи прелой листвы, но нашей четвёрке было плевать и на погоду, и на римское право, с которого мы только что благополучно сбежали.

— Клянусь, ещё десять минут лекции про законы Двенадцати таблиц, и я бы сам кого-нибудь распял прямо за кафедрой, — простонал Дэн, закидывая руки за голову и шагая спиной вперёд по мокрому асфальту. — Марк, ну вот объясни, как ты умудряешься сидеть на первой парте, смотреть этому динозавру в глаза и кивать с таким видом, будто тебе реально интересно?

Я усмехнулся, поправляя воротник кашемирового пальто, и лениво посмотрел на него сверху вниз.

— Всё дело в масштабе, Дэн. Когда наблюдаешь, как человек с серьёзным лицом пересказывает римские законы, даже не подозревая, что половину из них написали под диктовку пьяных патрициев ради отжима чужих земель — это лучшая комедия в городе. Я сижу на первой парте, чтобы не пропустить ни одной фальшивой ноты.

— Звучит так, будто ты сам эти законы редактировал, — фыркнула Вика, кутаясь в объёмный шарф и стреляя в меня быстрым, заинтересованным взглядом.

— Если бы их редактировал я, Вика, Римская империя не развалилась бы от рук немытых варваров, — я одарил её короткой, чуть надменной улыбкой, от которой у студенток обычно перехватывало дыхание.

Мне нравилось играть в человека. Это было похоже на партию в шахматы с первоклассниками, когда ты заранее видишь все их ходы на тридцать шагов вперёд, но из чистого азарта позволяешь им думать, будто они контролируют доску. Смертные поразительно предсказуемы. Дай им немного харизмы, острую шутку на грани фола, холодный уверенный взгляд — и они сами сложат к твоим ногам всё: от конспектов до собственных секретов.

Дэн считал меня своим лучшим другом, хотя я просто использовал его болтовню как белый шум. Вика тайно сохла по мне с сентября, принимая мою расчётливую вежливость за симпатию. А Алиса... Алиса была куда полезнее. Её отец входил в закрытые клубы европейских коллекционеров и ворочал миллиардами, а я всегда любил находиться поближе к ресурсам и власти — даже во время отпуска.

— Ладно, историки, хватит мёрзнуть, — объявила Алиса, небрежно подбросив на ладони брелок от отцовского внедорожника. — Шеф улетел в Женеву до понедельника, охрана на воротах предупреждена. Едем ко мне в поместье. У папы в кабинете стоит закрытый ящик бордо восемьдесят второго года — устроим собственную практику.

— Чужой фамильный замок, контрабандный антиквариат и вино по цене почки Дэна? — я изогнул бровь, засунув руки в карманы. — Обожаю человеческое тщеславие. Показывай дорогу.

Через сорок минут мы уже поднимались по мраморной лестнице неоготического особняка, утопающего в вековых соснах за городом. Внутри пахло старым дубом, воском и очень большими деньгами.

Кабинет отца Алисы на втором этаже был настоящим памятником человеческой гордыне. В углу возвышался массивный деревянный глобус работы голландских мастеров семнадцатого века, пол устилал ослепительно-белый тебризский ковёр из чистого шёлка, а вся правая стена над камином была увешана старинным холодным оружием.

Я подошёл к стене, скользя взглядом по персидским джамбиям и испанским навахам, пока не остановился на узком трёхгранном стилете конца пятнадцатого века с характерной щербинкой на гарде.

Губы сами растянулись в хищной ухмылке. Флоренция, двадцать шестое апреля 1478 года, собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Заговор Пацци против дома Медичи. Папа Сикст IV тогда так отчаянно хотел прибрать к рукам флорентийские банки, что мне стоило всего одного ужина в Риме, чтобы убедить его племянника устроить резню прямо во время мессы. Эта щербинка на стали осталась от моего перстня, когда я в последний момент отвёл удар от горла Лоренцо Великолепного — просто потому, что живой Лоренцо был мне выгоднее мёртвого.

— Даже не дыши на эту стену, Марк, — бросила Алиса, с глухим хлопком вытаскивая пробку из бутылки бордо. — Папа за этот ржавый антиквариат душу дьяволу продаст.

— Ошибаешься, Алиса. Твоя семейка проходит по ведомству Маммона, а он за ржавое железо души не скупает — берёт исключительно золотом и контрольными пакетами акций, — лениво отозвался я, принимая из её рук широкий хрустальный бокал.

— Чего? Какого ещё Маммона? — рассмеялся Дэн, развалившись в кресле у глобуса.

— Древний инвестор, не бери в голову, — я сделал глоток терпкого, густого вина, с прищуром наблюдая за компанией.

После второго бокала атмосфера в кабинете совсем размякла. Из колонок негромко лился тягучий саксофон, поленья в камине потрескивали, а Вика, сидевшая на подлокотнике кожаного дивана прямо над белоснежным шёлковым ковром, заливисто смеялась над очередной шуткой. Качнувшись, она неловко взмахнула рукой и задела локтем резную спинку.

— Ой! — пискнула она.

Крупная рубиновая капля сорвалась с края хрустального бокала и полетела вниз, прямо на белый персидский шёлк. До ворса оставалось не больше двух миллиметров.

И в это мгновение мир вокруг захлопнулся, как крышка рояля.

Капля вина застыла в воздухе гранёным кровавым рубином. Саксофон оборвался на полувздохе. Огонь в камине замер янтарной скульптурой, а округлённые глаза Вики и полуулыбка Алисы превратились в неподвижные декорации.

Я даже не удивился. Только медленно сделал ещё один глоток из своего бокала, смакуя тишину, и с лёгким звоном поставил хрусталь на дубовый стол.

В дальнем углу кабинета, где тяжёлые портьеры отбрасывали густую тень на книжные стеллажи, воздух пошёл рябью. Раздался неторопливый, чёткий цокот женских каблуков по паркету.

Из темноты шагнула она.

Высокая, затянутая в безупречный угольно-чёрный костюм, с водопадом смоляных волос и глазами цвета раскалённого пепла. Она обошла застывшую Вику, критически осмотрела висящую над ковром каплю вина и перевела взгляд на меня. На её губах заиграла знакомая ядовитая усмешка.

— О... Давно не виделись, Хан, — промурлыкала она. — Сколько лет? Сколько столетий?

— Сто двенадцать лет и четыре месяца, Шиго, — я вальяжно прислонился бедром к краю массивного стола, скрестив руки на груди. — С двадцать восьмого июня тысяча девятьсот четырнадцатого года. Сараево, угол улицы Франца Иосифа. И должен признать, без твоего присутствия двадцатый век прошёл куда приятнее.

Шиго тихо рассмеялась, подходя к старинному глобусу и кончиками пальцев раскручивая деревянный шар.

— Как грубо, Хан. А ведь в Сараево мы сработали гениально. Семь смертных грехов тогда чуть не лопнули от зависти. Сатана тридцать лет пытался развязать большую войну в Европе через Гнев, накачивая генералов оружием, но они всё равно боялись нажать на спуск. А ты просто рассчитал маршрут кортежа эрцгерцога, усадил девятнадцатилетнего сербского

студента с браунингом пить кофе ровно на том углу, где водитель должен был свернуть не туда, и надавил на дешёвую человеческую Гордыню. Два выстрела — и четыре империи рухнули в мясорубку.

— Потому что грубая сила — удел идиотов, а история строится на математике и точечных рычагах, — с холодным превосходством ответил я. — Демоны из верхнего круга всегда страдали отсутствием фантазии. Взять хотя бы Асмодея в шестнадцатом веке. Воплощение Похоти, а дальше чужих спален видеть не способен! Он всего лишь хотел уложить Анну Болейн в постель английского короля Генриха Восьмого. И кто, по-твоему, подсказал Генриху, что ради развода не обязательно просить разрешения у Папы Римского — достаточно объявить себя главой новой церкви и расколоть всю Европу пополам?

— Ты, конечно же, — Шиго лукаво прищурилась, делая шаг ко мне. — Вельзевул с Левиафаном потом ещё сотню лет делили души на религиозных войнах, которые выросли из одной твоей подсказки. О, а помнишь Париж в тысяча триста седьмом? Пятница, тринадцатое октября. Как мы с тобой скормили королю Филиппу Красивому идею уничтожить орден тамплиеров за одно утро?

— Филипп был по уши в долгах у храмовников, — я усмехнулся, вспоминая ту партию. — Достаточно было стравить его Алчность со страхом перед инквизицией. Правда, вывезти ночью всю казну тамплиеров из Парижа на двадцати повозках прямо из-под носа королевской стражи и самого Маммона — это был твой каприз. Маммон до сих пор скрипит зубами при упоминании твоего имени.

— Мне нравилось смотреть, как король и Папа рвут друг другу глотки над пустыми сундуками, — без малейшего раскаяния отозвалась Шиго. — Мы с тобой вертели этим миром как хотели, Хан. Голландская тюльпановая лихорадка в тысяча шестьсот тридцать седьмом, когда мы на спор заставили целую страну продавать замки ради луковиц цветов... Афера с бриллиантовым ожерельем Марии-Антуанетты, с которой мы зажгли Великую французскую революцию и отправили королей на гильотину... У тебя лучшие мозги в Преисподней. Даже Люцифер считался с твоими расчётами. И что я вижу теперь?

Она брезгливо повела плечом, указывая на застывшего Дэна и бокалы с вином.

— Изображаешь студента по имени Марк? Няньчишься со стайкой избалованных смертных?

— Я не няньчусь, Шиго, я отдыхаю, — мой голос зазвучал сухо и властно, отчего хрустальные подвески на люстре под потолком тонко зазвенели. — Мне наскучило таскать каштаны из огня для Семерых Грехов, пока Бельфегор заплывает жиром в своей Лени, а остальные делят пепелища. Здесь тихо. Я смотрю на людей как на аквариум с пираньями, пью неплохое вино и ни перед кем не отчитываюсь. Так что переходи к сути. Ты ведь притащилась сюда не ради мемуаров.

Улыбка медленно сползла с лица Шиго. Её пепельные глаза потемнели, став абсолютно серьёзными.

— Аквариум скоро закипит, Хан. Свет вышел на тропу войны.

Я скептически приподнял бровь:

— Пернатые фанатики снова решили поиграть в высшую справедливость? Пусть играют. Каждый раз, когда Свет пытается силой очистить мир от греха, люди сами устраивают такие крестовые походы и костры, что у нас внизу заканчиваются котлы.

— На этот раз всё иначе, — Шиго подошла почти вплотную, понизив голос. — Небесная канцелярия сняла печати со своих лучших ищеек. Они не просто готовят зачистку — они ищут оружие. Артефакт, которого никогда раньше не существовало в мироздании.

— Не существующий ранее артефакт? — я холодно рассмеялся. — Звучит как дешёвая загадка. Все игрушки давно пересчитаны, Шиго. Копьё Судьбы пылится в Вене, печати Соломона расколоты мной лично ещё в Вавилоне. За чем может охотиться Свет, чего не знаем мы?

— За человеком, — отрезала она.

В мёртвой тишине застывшего кабинета это слово прозвучало неожиданно тяжело. Я медленно сощурился, впервые за весь разговор внимательно вглядываясь в её лицо.

— Поясни.

— Этот артефакт — не камень и не клинок, Хан. Это живой человек. Смертный, который прямо сейчас ходит по одной из этих улиц, дышит этим воздухом и, возможно, даже не подозревает, что у него внутри. В его душе или крови намертво запечатана колоссальная, первородная сила — некие ключи, природа которых непонятна даже старейшим демонам. Никто не знает, как именно эта мощь оказалась внутри хрупкой человеческой оболочки и почему Свет так отчаянно пытается заполучить его живым. Но ясно одно: если сторонники Света доберутся до него первыми и провернут эти ключи — их «справедливость» выжжет нас всех до самого дна бездны.

Мои пальцы машинально постучали по столешнице. В голове мгновенно, как в хорошо отлаженном механизме, начали выстраиваться десятки схем, вероятностей и многоходовок.

Живой сосуд с силой, способной перевернуть баланс между Светом и Тьмой. Ключи, за которыми охотятся архангелы. Если найти этого человека раньше них и перехватить контроль над тем, что заперто у него внутри... можно не просто сорвать планы Света. Можно поставить на колени и небеса, и всех Семерых Грехов разом.

Азарт, которого я не испытывал со времён падения империй, холодной волной прокатился по венам. Но показывать это Шиго я, разумеется, не собирался.

— Занятно, — протянул я с ленивым безразличием, хотя мой взгляд уже холодно просчитывал её мотивы. — И ты пришла ко мне, потому что ваши тупоголовые ищейки снова расписались в собственной беспомощности, а след этого «человека-артефакта» ведёт в мой город?

— След ведёт в твой квадрат, Хан. И только у тебя хватит мозгов вычислить иголку в стоге сена быстрее, чем сюда слетятся крылатые каратели, — жёстко сказала Шиго. — Нам нужно найти его первыми.

— «Нам»? — я криво усмехнулся, глядя на неё с откровенной насмешкой. — Запомни раз и навсегда, дорогая: я больше не работаю в команде. И уж точно не бегаю по поручениям по первому свистку. Убирайся из моего города. А главное — проваливай с моих глаз, я не желаю тебя видеть.

Шиго смотрела на меня несколько секунд, но вместо гнева в её глазах мелькнуло хищное удовлетворение — она слишком хорошо меня знала и прекрасно видела, что наживка проглочена.

В тот же миг стальное крепление на стене над камином с резким щелчком лопнуло.

Флорентийский стилет пятнадцатого века сорвался со стены и камнем рухнул вниз. Шиго даже не повернула головы — просто небрежно выбросила левую руку в сторону и перехватила падающий клинок в сантиметре от пола.

Прокрутив стилет между пальцами, она улыбнулась:

— Как скажешь, Хан. Но ты слишком амбициозен, чтобы отдать такой приз Свету. Так что не переживай — мы с тобой ещё обязательно увидимся.

Её кисть неуловимо дёрнулась.

Трёхгранный клинок со свистом рассек застывший воздух, летя точно мне в переносицу.

Я даже не шелохнулся корпусом. Правая рука взметнулась сама собой, и мои пальцы стальным капканом сомкнулись на рукояти в двух сантиметрах от глаз. Острие со старой зазубриной замерло прямо напротив моего зрачка.

Фигура Шиго в то же мгновение рассыпалась чёрным пеплом, растворившись в тени за портьерами.

И время с оглушительным хлопком сорвалось с паузы.

По ушам тут же ударил рёв саксофона, дрова в камине выстрелили снопом искр, а рубиновая капля вина шлёпнулась на белый шёлковый ковёр, расплываясь алым пятном.

— Блин, ковёр! — вскрикнула Вика, хватаясь за щёки. — Алиса, прости, я случайно, сейчас салфеткой затру...

— Забей, скажу папе, что это собака забежала, — отмахнулась Алиса, поворачиваясь к нам с бутылкой, и вдруг замерла с открытым ртом.

Дэн в кресле у глобуса медленно выпрямился, едва не выронив бокал. Он с абсолютно ошалелым лицом переводил взгляд с пустого сломанного крепления высоко над камином на меня — стоящего в четырёх метрах от стены, с невозмутимой полуулыбкой и полуметровым старинным стилетом, зажатым в поднятой руке прямо у лица.

В кабинете повисла мёртвая тишина.

— Марк... — голос Дэна сорвался на сиплый шёпот. — А ты... где ты его вообще взял?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.